

ШЕДЕВР „ВЕЛИКОГО СТАРЦА“ НА НАШЕЙ СЦЕНЕ

„ЛЕНИНЦЕ“
Г. УДА

15 МАЯ 1987

«Аида» Джузеппе Верди — 178-я кульминация в развитии итальянской оперы, когда более чем трагическая ее история наша логическое завершение в высшей степени сложном мелодизме, сложных ансамблях и ярких оркестровых эпизодах. В этой опере пенни и насыщенные драматические действа слиты так тесно, что хочется, не боясь проспать профаном, говорить не «слушать», а «смотреть оперу». Не случайно Петр Ильич Чайковский именно за сотворение «Аиды» и «Отелло» назвал Верди «великим старцем».

Популярность «Аиды» огромна. Оперу несколько раз экранизировали и записывали на грамофонные пластинки. Еще не изгладилось впечатление от последнего киноверсия оперы, а на премьеру «Аиды» в постановку Башкирского государственного театра оперы и балета билеты были распроданы задолго до первого представления. Нет билетов и на третий, и на пятый спектакли, и я не убежден, что можно будет свободно купить билеты в кассе, когда трагедия египетского полководца и дочери эфиопского царя будет разыграна в десятый раз. Аншлаг, как говорится, полный...

Без сомнения, успех оперы во многом обязан гениальной музыке Верди. Но музыкаль-

ное полотно «Аиды» соткано из сложнейших ансамблей и ярких арий, при исполнении которых от певцов требуется не только кантилена и не только выразительность, а органическое слияние того и другого, мобилизация всех красок палитры человеческого голоса, чтобы певчим правдиво поведать о сложной драме человеческих сердец. Наконец, родная сестра «Реквиема» «Аида» немислима без хорошего хора, которому вместе с ансамблем солистов Верди поручил решение всех кульминационных сцен. Нет необходимости говорить о трудных задачах, которые решает режиссер при постановке такой оперы. Призрак пародийной оперы «Вампука или невеста африканская» все еще нет-нет да оживает на оперной сцене...

Итак, прошли первые спектакли. Зал полон. Зритель доволен. Но нельзя сказать, что новая постановка лишена недостатков и на долю рецензента выпала только приятная задача «курить фирмамам». На нужно быть чрезмерным оптимистом, чтобы увидеть в «Аиде» большую творческую удачу коллектива постановщиков: дирижера В. Рутцера, режиссера Р. Валиуллина, художника заслуженного деятеля искусств РСФСР М. Арсланова, хормейстера Л. Исхаковой.

Уверенно звучит оркестр. Сложно поет хор. Мизансцены решены статуйно и хорошо вписываются в декорации спектакля. Взвз за основу стиль древнего Египта, художник во втором акте окрасил его знойными красками юга, а для сцены суда Радемея в лаконизме современных форм воссоздал гнетущую монументальность каменной толщи храма, где силы светлых порывов человеческого сердца бессильны перед жестокими законами служителей культа. Массовые сцены спектакля (особенно вторая картина первого акта и финал второго акта) являются самыми впечатляющими и, пожалуй, обеспечивающими успех постановки.

Солисты, занятые в спектакле, оставляют, в целом, вполне достаточно хорошее впечатление. В главных роли выступают С. Галимова. Появление ее фамиллии на афишах против главного действующего лица оперы смутило всякого, кто имеет хотя бы элементарное представление о характере партии Аиды, рассчитанной на сильное драматическое сопрано. Легкое сопрано Галимовой, ассоциировавшееся в нашем представлении с лирической партией Мизельи, казалось, не сможет передать богатейшей гаммы страданий эфиопской царицы, справиться со сложнейшей тесситурой партии,

требующей опыта и выносливости. И все-таки молодая певица, исдева смелую ставку, выводит победителницей. Оставив в стороне традиционную трактовку горделивой и страстной дочери эфиопского царя, Галимова создала образ несчастной, страдающей, униженной Аиды, т. е. в том самом ключе, который соответствовал вокальному решению партии средствами лирического сопрано. Пока еще можно сделать много замечаний Галимовой, потрбовать от нее более ровного пения и внутреннего, глубокого ощущения образа... Но—все впереди: Аида—Галимова подкупает чистотой, обаянием молодости, и не хочется видеть ее промахом и ошибкой.

Первым Галимовой выступает заслуженный артист РСФСР Б. Кокури (Радемея)— левац и актер большого сценического опыта, сильный голос которого позволяет создать образ мужественного и темпераментного египетского полководца. Партию Амонасера поет М. Галева, хорошо передающий непокорный и коварный нрав эфиопского царя.

Многие уфимцы впервые знакомы с М. Брятко (Рамфис), который в пении сочетал подчеркнутую безстрастность и отрешенность от земного и злобный драматизм. Вполне на месте и исполните-

ли партии царя Египта (Б. Торник, О. Полянский). Б. Торник, кроме того, поет и партию Рамфиса.

Партию Амнерис на сцене нашего театра дебютировала Н. Баянова. В созданном ею образе много царственного, властного. И через эту магическую завесу надменности вдруг прорывается стон страдающего женского сердца... У Баяновой приятный тембр, звук, особенно в верхнем регистре, мягкий и округлый. Несколько ухудшает впечатление дебюта какая-то ненатуральность, сдавленность нижних нот. Нельзя не отметить Ж. Рахматуллину и Г. Черепанову, чьи чистые голоса в партии Жрицы служили подлинным украшением ансамбля.

В опере много балетных сцен, которые поставлены В. Яри. В большинстве своем они удачны, но с некоторыми из них в коей мере нельзя согласиться. Вместо ожидаемого шествия под знаменитый марш, исполняемый медью сценического оркестра (его появление—хороший симптом!), мы увидели несколько воинов, «порхающих» на сцене. Разумеется, возможно балетное решение этого эпизода, но за счет каких-то иных, более символических танцев. Следует сделать упрек и руководителям спектакля: артисты балета сплошь и рядом выходят на

сцену без грима, и в результате только искусственный зритель может в беленьких личиках артисток кердаבלета узреть маленьких эфиопов, а танец Верди создан именно как эфиопский, и формально на танцуют коринчевые трюки показывают, что постановщики не выступают против замысла композитора. Артистам, танцующим «египетские» танцы, также следует накладывать на тело грим, разумеется, много оттенка, чем эфиопам.

После спектакля начинаешь думать о его особенностях. Вначале все кажется очень хорошим, а потом вспоминаешь не всегда достаточно мощный аккорд хора, иногда звучащий совсем по-камерному оркестру. Тогда в голову приходят мысли, что пора бы увеличить и оркестр и хор, а заодно усилить группу солистов. Наш зритель вынос и хочет знакомиться с монументальными произведениями, таким, как «Услан и Людмила» или «Катерина Измайлова», которые силами нашего театра пока не поставили. И если бы в театре был большой хор и настоящий миманс, насколько ярче мог бы режиссер оформить возвращение победителей... Быть может, такие мысли приходят в голову не только мне, но и товарищам из Министерства культуры БССР.

Б. МИРКИН.